

Признаться, я и сам не понимаю,
Что так меня печалит. Грусть и вас
Томит, как вы сказали мне; но, право,
Я все еще пытаюсь догадаться, как
Я эту грусть поймал, нашел иль встретил,
И из чего она сотворена,
И чье она произведение.

У. Шекспир. Венецианский купец¹

¹ Действие I, сцена 1. Пер. П. Вейнберга.

Глава 1

ПО СЛУХАМ

Смерть, безусловно, была скоропостижной, неожиданной и, на мой взгляд, загадочной.

*Из письма доктора Патерсона
судебному распорядителю¹
по делу Причарда*

— Но если он предполагал, что женщину убили...

— Дорогой мой Чарлз, — сказал молодой человек с моноклем, — врач — последний человек, которому пристало строить «предположения». Это может свергнуть его в большие неприятности. Я считаю, что в деле Причарда доктор Патерсон совершенно разумно сделал все, что мог, отказавшись выдать свидетельство о смерти миссис Тейлор и послав необычно тревожное письмо судебному распорядителю. У него не было иного способа помешать этому человеку одурочить всех. Если бы по делу миссис Тейлор было возбуждено дознание, Причард, скорее всего, испугался бы и оставил жену в покое. В конце концов, ведь у самого Патерсона не имелось ни малейших убедительных доказательств. А допустим, он оказался бы не прав — представляешь, какой поднялся бы скандал?!

¹ Судебный распорядитель — руководитель предварительной стадии судебного разбирательства в отделении по делам о завещаниях, разводах и морским делам Высокого суда правосудия в Великобритании.

— И тем не менее, — настаивал неказистый молодой человек, с сомнением извлекая из раковины горячую скользкую виноградную улитку и боязливо оглядывая ее, прежде чем положить в рот, — я не сомневаюсь, что предать огласке свои подозрения — гражданский долг каждого.

— Либо служебный в твоем случае, — подхватил его сотрапезник. — Кстати, гражданский долг отнюдь не обязывает тебя питаться улитками, если они тебе не нравятся. А я вижу, что тебя от них воротит. Зачем же покоряться суровой судьбе? Официант, заберите у джентльмена улиток и принесите ему вместо них устриц... Так вот, как я уже сказал, для тебя это неотъемлемая часть служебного долга — подозревать, возбуждать расследования и вообще поднимать шум по любому поводу; и если ты ошибешься, никто тебя не упрекнет — наоборот, скажут, что ты толковый и добросовестный профессионал, разве что немного слишком ревностный. Но бедолаги-врачи в некотором смысле вечно балансируют на натянутой проволоке общественного мнения. Люди не горят желанием обращаться к доктору, который склонен при малейшем сомнении подозревать убийство.

— Прошу прощения. — Сидевший за соседним столом молодой человек с тонкими чертами лица, не сдержавшись, повернулся к ним. — Чрезвычайно невежливо с моей стороны вклиниваться в ваш разговор, но все, что вы говорите, — сущая правда, и мой случай тому подтверждение. Врач... вы и представить себе не можете, насколько он зависим от фантазий и предубеждений своих пациентов. Они не терпят ни

малейших сомнений. Если вы посмеете предложить им вскрытие покойного, они встретят в штыки саму идею, что их «бедного дорогого такого-то будут резать», и даже если вы всего лишь попросите разрешения разобраться в неясных обстоятельствах его смерти в научных интересах, они тут же вообразят, будто вы намекаете на нечто недостойное. Но, разумеется, если вы оставите все как есть, а потом окажется, что какие-то темные делишки имели-таки место, коронер схватит вас за горло, а газеты сделают из вас посмешище, но в любом случае вы будете не рады, что родились на свет.

— Вы говорите так, будто лично пережили нечто подобное, — заметил человек с моноклем, явно проявляя сочувственный интерес.

— Так и есть, — горячо подтвердил мужчина с тонкими чертами лица. — Если бы я повел себя как рядовой обыватель, а не как добросовестный гражданин, мне бы сегодня не пришлось искать новую работу.

Человек с моноклем, едва заметно улыбнувшись, окинул взглядом маленький зал соховского ресторана, в котором они сидели. Толстяк за столом справа с елейным видом обхаживал двух певицек; дальше, за ним, два пожилых завсегдатая демонстрировали свою приверженность меню «Доброго буржуа», поглощая рубцы по-каннски (которые там готовят превосходно) и запивая их бутылкой «Шабли Мутон» 1916 года; по другую сторону зала какая-то провинциальная пара сдуру шумно требовала, чтобы им подали под вырезку лимонад для дамы и виски с содовой для джентльмена, между тем как за даль-

ним столиком красивый хозяин с серебристой шевелюрой, поглощенный утомительным процессом выбора салата для семейного ужина клиентов, не мог думать ни о чем, кроме как о нужной пропорции измельченной зелени с чесноком для заправки. Старший официант, продемонстрировав посетителю с моноклем и его спутнику блюдо синей радужной речной форели и получив одобрение, разложил еду по тарелкам и удалился, оставив их в уединении, коего неискушенные люди всегда ищут и никогда не находят в модных маленьких кафе.

— Я чувствую себя прямо как принц Флоризель Богемский¹, — заявил человек с моноклем. — Уверен, сэръ, что ваша история очень интересна, и был бы чрезвычайно признателен, если бы вы любезно поделились ею с нами. Похоже, вы уже отобедали, так что, если ничего не имеете против, пересаживайтесь за наш столик и поведайте нам вашу историю, пока мы будем есть. И простите мне мою стивенсовскую манеру — она ничуть не умаляет моей заинтересованности.

— Не валяй дурака, Питер, — осадил его неказистый приятель. — Мой друг гораздо более разумный человек, чем вы, вероятно, подумали, судя по его речам, — добавил он, обращаясь к незнакомцу, — и если вам хочется снять камень с души, вы можете быть абсолютно уверены, что дальше нас это никуда не пойдет.

Незнакомец мрачновато улыбнулся.

¹ Герой серии рассказов «Новые тысяча и одна ночь» Р.Л. Стивенсона.

— Я с удовольствием расскажу вам свою историю, если вам не будет скучно. Просто она случайно совпала с темой вашего разговора.

— И подтвердите мою правоту, — торжествующе подхватил человек по имени Питер. — Продолжайте, прошу вас. Выпьете что-нибудь? Кто умеет веселиться, тот горя не боится, так сказать. И начните с самого начала, пожалуйста. У меня совершенно заурядный ум, я обожаю подробности. Меня восхищают ответвления от основного сюжета. Длительность рассказа не имеет значения. Мы принимаем все разумные предложения. Чарлз, мой товарищ, не даст соврать.

— Итак, — приступил к рассказу незнакомец, — для начала: я врач, сфера моего особого профессионального интереса — рак. Я, как и многие, надеялся специализироваться в этой области, но после сдачи экзаменов у меня не было достаточно средств, чтобы посвятить себя научной деятельности. Пришлось заняться сельской практикой, однако я поддерживал связь со столичными светилами в надежде, что когда-нибудь смогу вернуться в науку. Признаюсь, я ожидал скромного наследства от дядюшки, а пока мои наставники решили, что мне будет весьма полезно получить опыт врача общей практики. Это, мол, расширяет профессиональный кругозор и все такое прочее. Купив славную небольшую практику в... — позвольте мне не уточнять название этого маленького провинциального городка с населением в пять тысяч человек, назовем его просто Икс, по Хэмпширской дороге, — я, естественно, обрадовался, обнаружив в списке моих новых пациентов случай рака. Пожилая дама...

— Как давно это было? — перебил его Питер.

— Три года тому назад. Существенно помочь пациентке возможности не представлялось: ей было семьдесят два года, и она уже перенесла одну операцию. Однако старушка держалась стойко и решительно боролась с болезнью, благо крепкий от природы организм помогал ей в этом. Замечу: остротой ума она не отличалась, видимо, никогда — равно как и сильным характером, судя по ее взаимоотношениям с окружающими, но в некоторых вещах проявляла чрезвычайное упрямство: в частности, была одержима убежденностью, что от этой болезни не умрет. В то время она жила с племянницей, женщиной лет двадцати пяти. Раньше компанию ей составляла пожилая дама, тетка этой девушки по другой семейной линии, бывшая закадычной подругой моей пациентки еще со школьных лет. Когда эта самая тетушка скончалась, девушка, оказавшаяся их единственной живой родственницей и служившая медсестрой в Королевской общедоступной больнице, бросила работу, чтобы ухаживать за моей пациенткой, и они поселились в городке Икс примерно за год до того, как я приобрел там практику. Надеюсь, пока я все ясно излагаю?

— Абсолютно. У больной была сиделка?

— В то время — нет. Пациентка была еще в состоянии самостоятельно передвигаться, посещать знакомых, выполнять нетрудную работу по дому и в саду, вязать, читать, выезжать на прогулки — словом, делать все то, чем заполняют свою жизнь пожилые дамы. Конечно, время от времени у нее случались приступы боли, но медицинской квалификации пле-

мянницы было достаточно, чтобы предпринять все необходимые меры.

— Какой была эта племянница?

— О, очень милой, хорошо образованной, умелой, и мозгов у нее было куда больше, чем у ее тетушки. Это была полагавшаяся только на собственные силы, спокойная и рассудительная и в общем вполне современная девушка из тех, на кого можно рассчитывать, зная, что они ничего не забудут и не потеряют голову. Разумеется, некоторое время спустя злокачественное образование, как обычно бывает, если не пресечь процесс на самой ранней стадии, снова дало о себе знать, и потребовалась новая операция. В то время я практиковал в городке уже месяцев восемь. Я отвез пациентку в Лондон, к своему старому наставнику сэру Уорбертону Джайлзу, и что касается самой операции, то она прошла очень успешно, хотя в ходе ее подтвердилось, что другие жизненно важные органы охвачены метастазами и кончина пациентки — лишь вопрос времени. Не буду вдаваться в подробности. Все, что можно сделать в таких случаях, было сделано. Я хотел, чтобы старушка осталась в Лондоне под наблюдением сэра Уорбертона, но она решительно этому воспротивилась. Привыкшая к сельскому образу жизни, она не могла хорошо чувствовать себя нигде, кроме как дома. Поэтому она вернулась в Икс; мне удалось организовать ее регулярные поездки на лечебные процедуры в ближайший большой город, где имелась превосходная больница. Она на удивление быстро оправлялась после хирургического вмешательства и в конце концов, отказавшись от сиделки, смогла вернуться к прежнему образу жизни под заботливым присмотром племянницы.

— Одну минуту, доктор, — вклинился тот из его собеседников, которого звали Чарлз, — вы говорите, что возили ее к сэру Уорбертону Джайлзу и все такое прочее. Как я понимаю, ваша пациентка была весьма неплохо обеспечена?

— О да, она была очень состоятельной женщиной.

— Вы, случайно, не знаете, составила ли она завещание?

— Нет, не составила. Я уже упоминал ее крайнее неприятие мысли о смерти. Она всегда категорически отказывалась оформлять какое бы то ни было завещание, потому что подобная необходимость ее очень расстраивала. Как-то накануне операции я рискнул заговорить с ней на эту тему в самой непринужденной форме, но только спровоцировал нежелательное возбуждение с ее стороны. Кроме того, она заметила — и это была чистая правда, — что в завещании нет никакой нужды. «Ты, дорогая, — сказала она племяннице, — моя единственная в мире близкая родственница, и все, что я имею, когда-нибудь перейдет к тебе, что бы ни случилось. Уверена, я могу довериться тебе в том, что ты не забудешь моих слуг и сделаешь небольшие пожертвования от моего имени». Так что я больше не настаивал. Кстати, помню... но это было гораздо позже и не имеет прямого отношения к нашей истории...

— Прошу вас, — взмолился Питер, — не пропускайте никаких подробностей!

— Хорошо. Помню, однажды я пришел к своей пациентке и нашел ее не в лучшем состоянии, очень возбужденной. Племянница сообщила мне, что все это из-за визита ее поверенного — семейного нота-

риуса из города, где они жили прежде, не местного. Он настоял на встрече со своей клиенткой с глазу на глаз, и к концу разговора та страшно разволновалась, рассердилась и заявила, что все плетут против нее заговор, чтобы раньше времени свести ее в могилу. Поверенный ушел, ничего не объяснив племяннице, однако изо всех сил постарался убедить ее, чтобы она послала за ним в любое время дня и ночи, если ее тетушка изъявит желание видеть его, — и он тут же явится.

— И за ним посылали?

— Нет. Старушка сочла себя глубоко оскорбленной нотариусом, и едва ли не последним ее самостоятельным решением было забрать у него все свои дела и передать их местному поверенному. Вскоре после этого ей потребовалась третья операция, после которой она постепенно все больше начала превращаться в инвалида. Слабел и ее разум, она перестала понимать сколько-нибудь сложные вещи, да и боли мучили ее теперь так сильно, что было бы немилосердно тревожить ее делами. Получив от нее доверенность, племянница полностью приняла на себя распоряжение тетушкиными расходами.

— Когда это случилось?

— В апреле двадцать пятого года. Заметьте, хоть пожилая дама и была немного не в себе — лет-то ей было немало, — ее физическое состояние оставалось на удивление хорошим. Я испытывал тогда новый метод лечения, и результаты оказались исключительно интересными. Поэтому-то я так и недоумевал, когда случилась очень странная вещь. Надо сказать, что к тому времени нам пришлось снова нанять

для моей пациентки сиделку, поскольку племянница не могла ухаживать за ней круглосуточно. Первая сиделка появилась в апреле. Это была очаровательная и очень умелая молодая женщина — идеальная сиделка. Я мог полностью на нее положиться. Ее особо рекомендовал мне сэр Уорбертон Джайлз, и хотя ей было не больше двадцати восьми лет, она обладала благоразумием и рассудительностью женщины вдвое старшего возраста. Должен также признаться, что мы сразу почувствовали глубокую привязанность друг к другу, обручились и должны были в том же году пожениться, если бы не мои проклятые сознательность и чувство гражданской ответственности.

Доктор криво усмехнулся, взглянув на Чарлза, и тот, запинаясь, пробормотал что-то насчет прискорбного невезения.

— Моя невеста, так же, как и я, с особым вниманием относилась к своей подопечной — отчасти потому, что это была моя пациентка, отчасти потому, что сама проявляла глубокий интерес к этой болезни. Она хочет в будущем стать для меня помощницей в деле моей жизни, если, конечно, мне представится шанс им заняться. Но это просто к слову. До сентября все так и шло. А потом по непонятной причине старушка стала выказывать абсолютно немотивированную неприязнь к своей сиделке, как это иногда случается со слабеющими рассудком пациентами. Она вбила себе в голову, что та хочет ее убить (кстати, такие же подзрения она испытывала и по отношению к поверенному), и серьезно убеждала племянницу, будто ее травят. Несомненно, этим она пыталась объяснить свои

приступы боли. Увещевания были бесполезны — она кричала и не подпускала сиделку к себе. Естественно, когда такое случается, другого выхода, кроме как заменить сиделку, нет, поскольку в таких условиях пациентке от нее никакой пользы. Я отослал свою невесту обратно в город и отправил в клинику сэра Уорбертона телеграмму с просьбой прислать другую сиделку.

Та приехала на следующий день. Разумеется, с моей точки зрения, она была не так хороша, однако дело свое знала, и у больной против нее возражений не возникло. Но тут у меня начались проблемы с племянницей. Бедная девушка! Долгая выматывающая болезнь тетки, видимо, сказала на ее нервах: она вдруг возомнила, что той становится существенно хуже. Я объяснил, что состояние больной действительно постепенно ухудшается, но ее организм на удивление успешно сопротивляется болезни, и нет никаких причин для паники. Девушку это не убедило, и как-то в начале ноября она послала за мной среди ночи и потребовала, чтобы я явился немедленно, поскольку ее тетка умирает.

Прибыв, я застал пациентку в разгар болевого приступа, какие неувидительны в ее состоянии, однако непосредственной угрозы жизни в тот момент не было. Я велел сиделке сделать ей укол морфия, а девушке дал бром, посоветовав лечь в постель и на несколько дней устроить себе перерыв в уходе за тетей. На следующий день я очень тщательно обследовал больную и обнаружил, что состояние ее даже лучше, чем я предполагал. Сердце работало ровно и в полную